

ОГО НЕЖЪ

Иллюстрированное Обзорѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 25

Воскресенье, 10 (23) іюля 1905 г.

№ 25

Воспоминанія и мемуары.

Темная страница.—Милліонъ бумагъ и голосъ гражданина.—Не время молчать.—„Послѣдній отзывъ вѣрнаго подданнаго“.—Право и сила.—Умный врагъ и услужливые „друзья“.—Оскорбительный доносъ.—За что?—Бюрократическая феерія.—Нѣсколько параллелей.—Допросъ.

И. Тихій, В. Н. Каразинъ и его общественная дѣятельность. „Кіевская Старина“, Іюль.—Записки И. Д. Якушкина. Москва, 1905 г.—Материалы для исторіи декабристовъ. „Всемирный Вѣстникъ“, Іюль.

I.

Въ 1805 году харьковскій университетъ послѣ долгихъ хлопотъ и проволочекъ былъ, наконецъ, открытъ. Виновникъ его созданія, „душа дѣла“, Василій Назаровичъ Каразинъ, еще въ августѣ 1804 года „долженъ былъ не вмѣшиваться“ въ университетскія дѣла. Такъ рѣшила всемогущая бюрократія. Она оклеветала его предъ Государемъ, заклеила титуломъ безпокойнаго и вмѣсто заслуженныхъ лавровъ Каразину пришлось доживать лучшіе дни жизни въ деревенской глуши, не у дѣла.

Любопытная, характерная страница, только и возможная въ полицейско-бюрократическомъ государствѣ, развертывается передъ нами.

Кипучая энергія, желаніе приложить недюжинныя силы на пользу родины, заставляютъ Каразина чутко присматриваться къ ходу государственнаго корабля, круто переимѣнишаго курсъ вправо и бросаемаго по волнамъ все усиливающейся и усиливающейся реакціи.

Изъ своего родового гнѣзда Кручика непрізнанный и полупопальный дѣятель ясно видѣлъ, какая опасность грозитъ Россіи и куда ведетъ ее кормчій въ лицѣ всемогущаго Аракчеева.

Все задавлено, угнетено. Мысль, наука, слово влечатъ рабское существованіе. Законъ обратился въ охрану произвола.

Молчаніе кружичкому изгнаннику казалось преступленіемъ. Онъ долженъ былъ исполнить свой вѣроподданническій долгъ и возвысить голосъ, протестуя противъ сивернъ и мерзостей, объявленныхъ Россіи. Въ

тиши сельскаго уединенія ищутся три записки. Записки указываютъ на вопіющія злоупотребленія въ Россіи по отношенію къ крѣпостнымъ. Записки, какъ будто, подѣйствовали. Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей

предложилъ Каразину составить подробный докладъ. Нѣсколько личныхъ бесѣдъ съ Кочубеемъ окрылили Каразина, но на этомъ все и кончилось. Изготовленный докладъ былъ положенъ подъ сукно. Проникнуть во дворецъ Каразину не удалось.

Вмѣсто прямого пути вновь избирается окольный. Новая записка о неправильности жизни въ Россіи передается черезъ князя П. М. Волконскаго для врученія Государю. „Послѣдній отзывъ вѣрнаго подданнаго“ нашель откликъ. Каразину чрезъ того же Кочубея было объявлено и Высочайше повелѣно, чтобы онъ „указалъ обстоятельства, о которыхъ говорилъ, подробнѣе, подкрѣпилъ бы ихъ доводами, назвалъ самыя лица, отъ которыхъ имѣеть тѣ или другія свѣдѣнія“.

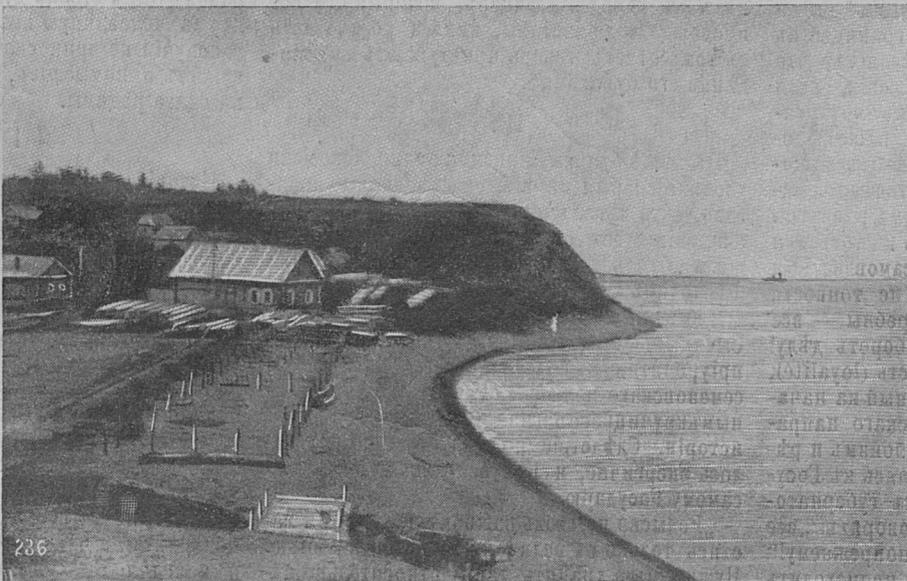
Каразинъ нашель въ себѣ силы отвѣтить мужественно и разъяснить, что всеподданнѣйшее его письмо — не доносъ, но послѣдняя воля умирающаго, что къ доносъ „онъ можетъ быть и неспособенъ“. Его привела въ трепеть одна мысль о возможности предательства, благороднѣйшихъ чувствованій“.

Въ то время, какъ государственная машина скрипѣла по всѣмъ частямъ, и вяло, по инерціи, шла работа по канцеляріямъ, замѣчательный общественный дѣятель работаетъ не за страхъ, а за совѣсть надъ составленіемъ новой записки Государю. Онъ вѣритъ, что Россія на краю опасности, размеры которой даже не сознаютъ въ Петербургѣ, окруженномъ паутиной шпіонства, онъ ясно отдаеть себѣ отчетъ, что продолжать долѣе жить въ такомъ направленіи невозможно.

Съ прямою истинною гонимъ онъ указываетъ на язвы, разѣдающія народный организмъ. Онъ возстаетъ противъ гоненій за вѣру, гоненій, — которые даютъ богатую почву для подобнаго законченнаго свѣтскую власть оберъ-прокурора синода, поставленнаго надзирать за церковью, оставшаяся на вредной землѣ министерства финансовъ, обогащающей только спекулянтство, указываетъ на

Генераль-лейтенантъ М. Н. Ляпуновъ,
военный губернаторъ острова Сахалина.

Постъ Корсаковскій, на островѣ Сахалинѣ.

Съ фотографіи корреспондента, авторитетна „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

„вредное направление“, которое взяло провозвѣщеніе, и подробно излагаетъ вопіющія злоупотребленія, царившія въ морскомъ министерствѣ.

„Милліоны расхищаются безъ малѣйшей полъзы для государства!“—воскликаетъ Каразинъ. Въ главномъ портѣ и докѣ — въ Кронштадтѣ—развалившіяся зданія и гнѣющіе корабли. Эскадра, на которую Петръ Великій возлагалъ такія надежды, „теперь, чтобы собраться, вынуждена заимствовать части оснащения одного корабля для другого. Зато матросовъ учатъ маршировать и тому подобныи штукамъ“. Умѣлые матросы совсѣмъ выводятся; у офицеровъ нѣтъ охоты къ службѣ. Не въ лучшемъ видѣ, чѣмъ кронштадтскій, и другіе порты; „зловѣямъ, каковъ Кабрановъ, приходитъ на мысль адресоваться турецкому министерству съ предложеніями предать сія порты“... „Если Иванъ Ивановичъ еще лѣтъ пятью пробудетъ министромъ, то русскій флотъ совсѣмъ рухнетъ“. Отношенія помѣщиковъ, даже людей вліятельныхъ и интеллигентныхъ, къ крестьянамъ самое ужасное: „многія тысячи народа, запродаваемые какъ рабочей скотъ подрядчикамъ, вопіютъ къ небу и, вспоминая своихъ несчастныхъ женъ и дѣтей, оставленныхъ за семью и больше верстъ на скудныхъ нивахъ въ одиночествѣ, со слезами безславятъ имя Государя“.

II.

Легко понять, какъ была встрѣчена въ Петербургѣ записка неугомоннаго Каразина. Въ Петербургѣ были убѣждены, что вся смута происходитъ отъ дѣйствій „либеральной партіи“,—такъ думалъ Аракчеевъ съ подвижниками, такъ думалъ и самъ Александръ.

А Каразинъ, не считаясь ни съ какими направлениями, кромѣ направленія собственной совѣсти, чертитъ такую картину современнаго убожества русской жизни:

„Боятся дать поводъ разсуждать о взаимныхъ отношеніяхъ правительства и народа. Полиція съ жезломъ въ рукахъ, цензуры — духовная и гражданская—съ затворами для словъ и мыслей, поставлены на стражѣ... Едва вѣроятнo, что у насъ по сей части происходитъ! Глубокимъ молчаніемъ даютъ поводъ разсѣивать самыя вздорныя, самыя вредныя начала; между тѣмъ какъ правительство противорѣчимъ самому себѣ по временамъ показывается, какъ будто не имѣетъ никакихъ. Въ то время, какъ Государь приписывалъ дѣйствіямъ тайныхъ обществъ стремленіе „запугать“, „напугать“ его и тѣмъ отвлекъ его отъ работы за границей въ Троппау, Каразинъ прямо заявляетъ, что скоро въ Россіи начнутся движенія, если только не будетъ приступлено къ внутреннимъ реформамъ: „благородное наше юношество и народъ, который также уже выходитъ изъ дѣтскаго возраста, стоять въ настоящее время въ самомъ опасномъ распутии. Одно мгновеніе—и они пойдутъ на тотъ или другой путь невозвратно!.. Не самовластные мѣры, не подслащенные слова, не тонкости французской полиціи тутъ потребны — все это даетъ совсѣмъ противный оборотъ дѣлу! — но честная, строгая честность (loyauté), систематическій планъ, основанный на началахъ христіанскаго монархическаго направленія!“ „Не всѣмъ вѣрты поклонамъ и рѣчамъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Государю, которыми насъ встрѣчаютъ губернаторы, которые, можетъ быть, говорятъ: „все еще благополучно, все еще попрежнему!“ Великая перемена произошла и происходитъ въ умахъ. Множество причинъ на сіе дѣйствуетъ, и день оно какъ тать прилетѣтъ! Правительство само способствуетъ тому всеусливно“...

Онъ знаетъ, что его участь должна быть или ссылкой за Байкалъ, пока еще сослать можно,—или „смерть съ оружіемъ въ рукахъ при защитѣ послѣдняго входа къ комнатамъ государевымъ“.

Александръ Каразинъ былъ аттестованъ, какъ умный врагъ, дѣйствующій подъ личиною дружбы.

Узнаго врага придворная камарилья всѣчески желала убрать подальше отъ глазъ.

Харьковъ былъ слишкомъ близокъ...

Полиція уже слѣдила за Каразинымъ. Вскорѣ же послѣдовалъ и арестъ, обставленный большими предосторожностями, при нарочно устроенной феерической обстановкѣ.

Тотъ самый графъ Кочубей, который не разъ одобрялъ планы Каразина и отправлялъ его записки подъ суну, писалъ Государю, стараясь раздуть дѣло и обратить Каразина въ великаго преступника:

„Я стоворился съ военнымъ губернаторомъ. Боясь не застать Каразина на квартирѣ въ теченіе дня, потому что его довольно часто не бываетъ дома, и такимъ образомъ доставить ему средства принять прямые или косвенныя мѣры для того, чтобы удалиться на сторону или даже уничтожить свои бумаги, мы согласились съ гр. Милорадовичемъ на томъ, что сегодня вечеромъ, между 4 и 5 часами, онъ будетъ приглашенъ къ нему, арестованъ и тотчасъ же отправленъ въ Шлиссельбургъ, между тѣмъ какъ въ это же время генералъ Горголій съ полицейскимъ чиновникомъ захватить его бумаги, приложить къ нимъ печати и доставить ихъ ко мнѣ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, я не только не обращаюсь къ лицу, которое Ваше Величество мнѣ указали въ качествѣ сторонняго свидѣтеля при разсмотрѣніи этихъ бумагъ, но и постараюсь, несмотря на необходимость и слишкомъ большую массу бумагъ, не допускать къ этому никого изъ чиновниковъ. Я предложу графу Милорадовичу вскрыть пакеты вмѣстѣ со мною и сообща сдѣлать обзоръ ихъ содержимаго. Надѣюсь, Государь, прежде чѣмъ запечатать это письмо, донести вамъ, что Каразина болѣе здѣсь нѣтъ. Не могло существовать никакого препятствія къ его отсылкѣ въ Шлиссельбургъ, и я надѣюсь, какъ и Ваше Величество, что для него тамъ болѣе подходящее мѣсто, чѣмъ въ рavelинѣ петербургской крѣпости“.

Въ шесть часовъ вечера того же дня Кочубей приписалъ къ своему письму: „Сейчасъ я получилъ извѣстіе, что Каразина уже нѣтъ въ городѣ. Офицеръ, который его сопровождалъ до заставы, явился ко мнѣ дать въ томъ отчетъ; теперь приступаютъ къ овлaдѣнію его бумагами“.

III.

Въ числѣ бумагъ Каразина полицейское око уловило слабыя вирши, разслѣдованіе показало, что писалъ ихъ одинъ изъ учениковъ академіи художествъ, гдѣ только что произошелъ „бунтъ“, вызванный экономіей эконома и голодомъ учениковъ.

Тѣмъ не менѣе, изъ мухи сдѣлали слона. Сыскныхъ дѣлъ мастерамъ очень хотѣлось приурочить стихи къ недавнему возмущенію семеновскаго полка и сдѣлать прикосновеннымъ круцицкаго изгнанника къ петербургской исторіи. Слѣдствіе по дѣлу о виршахъ, велoсь энергично, и Кочубей писалъ о немъ къ самому Государю.

„Розыски по столь важному дѣлу могли вестись только съ величайшей осторожностью. Нужно было хранить тайну относительно существованія такого документа. Малѣйшая гласность возбудила бы общее безпокойство, а авторамъ дала бы поводъ радоваться, что документъ въ рукахъ правительства, и на-

дѣяться, что оно увлечется ложными мѣрами, въ то время какъ его ролью должно быть видимое безстрастіе; малѣйшій слухъ объ этой бумагѣ заставилъ бы работать головы полицейскихъ чиновниковъ, которые въ надеждѣ на награду могли бы поднять пѣвныя исторіи и отдалить истину отъ правительства. Руководясь этими соображеніями, я просилъ военнаго губернатора спрятать эту бумажку какъ можно дальше и никому о ней ни слова. Такъ и сдѣлали, а полицейскимъ чиновникамъ сказали только о толкахъ, будто бы ходить въ публикѣ какая то бумажка и т. д., и этого одного было достаточно, чтобы дать толчокъ изобрѣтательности нѣкоего флейтиста и полковаго писаря. Я не предвижу, Государь, никакой возможности, исключая какого-нибудь счастливаго случая, открыть что-нибудь болѣе точное относительно этого пасквиля“.

Арестъ Каразина произошелъ внезапно съ какой-то церемониальной таинственностью: даже близкіе люди ничего не знали объ его дальнѣйшей судьбѣ, въ то время какъ фельдъегерская тройка увозила В. Н. къ Шлиссельбургу. Мѣсто заключенія осталось тайной для всѣхъ.

Шесть мѣсяцевъ тюрьмы, „оскорбительный допросъ“ и водвореніе на жительство безъ права выѣзда въ томъ же Круцикѣ. При этомъ губернатору (Слободско-Украинской губерніи строго на строго наказывалось изъ Петербурга „обращать вниманіе и на людей, съ какими онъ будетъ имѣть сношеніе, и чѣмъ самъ будетъ заниматься“. Но самъ Каразинъ не чувствовалъ за собою раскаянія. Не чувствовалъ потому, что не признавалъ за собою никакой вины. Онъ почиталъ себя обязаннымъ предъ Богомъ и Государемъ представить своей поступокъ „съ истинной точкой зрѣнія“.

Но на этомъ мытарства чelовѣка, осмѣливагося въ Россіи на зарѣ просвѣщеннаго XIX вѣка почувствовать себя гражданиномъ, не окончились. За перепиской Каразина не только слѣдили, но она еще шла не иначе, какъ черезъ руки губернатора. Однако, и это было признано недостаточнымъ: Каразину воспретили издавать въ свѣтъ „всякое литературное произведеніе“. Бюрократія исползовала все свое могущество и, заведя новое дѣло въ синей обложкѣ, почла на лаврахъ.

Лаврами не увѣнчается ее потомство. Оно готовить ихъ лишь для тѣхъ, кто подобно Каразину былъ стоекъ духомъ и твердъ мыслью, кто за чечевичную похлебку временныхъ благополучій не приносилъ въ жертву лучшихъ чувствъ и помысловъ, направленныхъ лишь на благо родины.

IV.

Исторія декабрьскихъ дней 1826 года и общественаго движенія, которымъ отмѣченъ конецъ Александровскаго царствованія, ждетъ своего историка.

Еще недавно даже опубликованіе сырыхъ матеріаловъ, въ видѣ записокъ и воспоминаній непосредственныхъ участниковъ встрѣчало непреодолимыя трудности въ Россіи. Въ послѣднее время свѣтъ исторической истины начинаетъ все глубже и ярче проникать въ тайники архивовъ, и изъ-подъ спуда болѣе чѣмъ полувѣкового забвенія появляются въ печати повѣсти дѣлъ минувшихъ, сказанія пережитыхъ лѣтъ. Такъ, одинъ за другимъ появились на свѣтъ Божій „Записки князя и княгини Волконскихъ“, „Записки Н. Н. Лорреры“, „Воспоминанія Н. А. Вестужева“ и, наконецъ, съ нѣкоторыми пропусками, „Записки И. Д. Якушкина“. Параллельно съ этимъ, въ журналѣ „Всемирный Вѣстникъ“ воспроизве-

дено полностью правительственное слѣдствіе о декабристахъ.

Очень любопытно сопоставить личныя записки Якушкина съ официальными матеріалами слѣдственной комиссіи, хотя бы въ той части, которая касается непосредственно самого автора записокъ.

Въ „росписи“ государственнымъ преступникамъ перваго разряда, приговоромъ верховнаго уголовного суда осужденнымъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы, двадцать второе мѣсто занимаетъ капитанъ Якушкинъ. Обвиненіе противъ него составлено кратко, но сильно: „умышлялъ на царевѣйство собственнымъ вызовомъ въ 1817 году и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество товарищей“.

Приговоръ для Якушкина былъ смягченъ по „уваженію совершеннаго раскаянія“ ссылкой въ каторжныя работы на двадцать лѣтъ.

Тѣмъ не менѣе, Якушкинъ долго оставался на свободѣ. Онъ самъ не думалъ скрываться и не искалъ спасенія, видя, какъ арестовываютъ одного за другимъ его товарищей и единомышленниковъ.

Только вечеромъ 18-го января къ Якушкину явился полицеймейстеръ Обрѣзковъ и пожелалъ переговорить наединѣ. „Я, рассказываетъ Якушкинъ—повелъ его къ себѣ въ комнату. Онъ потребовалъ отъ меня моихъ бумагъ. Я объявилъ ему, что у меня никакихъ бумагъ нѣтъ, а что если бы и были такія, которыя могли быть для него любопытны, то я бы имѣлъ время ихъ сжечь. Я ожидалъ ареста и нарочно положилъ на столъ листокъ съ исчисленіями о выкупѣ крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи, надѣясь, что этотъ листокъ возьмутъ вмѣстѣ со мной, что онъ, можетъ быть, обратитъ на себя вниманіе правительства. Я предложилъ Обрѣзкову взять эти исчисленія, но онъ отвѣчалъ мнѣ, что эти цифры ему нисколько не нужны. Послѣ этого онъ посоветовалъ мнѣ одѣться потеплѣе и пригласилъ ѣхать съ собой.—Къ отъѣзду у меня было уже все приготовлено заранѣе“.

Оберъ-полицеймейстеръ былъ очень огорченъ, что у Якушкина не нашлось никакихъ писемъ.

Онъ самъ признался, что ему до зарѣзу необходимо имѣть въ рукахъ хотя бы одно письмо, такъ какъ въ заготовленной уже и заранѣе подписанной бумагѣ, при которой долженъ быть отправленъ Якушкинъ, сказано, что вмѣстѣ съ арестованнымъ отправляются „найденныя у него бумаги“.

Арестованному пришлось „войти“ въ тяжелое положеніе оберъ-полицеймейстера и дать ему хотя какія-нибудь письма. Такимъ образомъ, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ при Якушкинѣ препровождались два письма (отъ сестры и отъ деревенскаго старосты) и сочиненіе Тьера, которое захватилъ подъ пьяную руку посланный вторично „для обыска“ полицеймейстеръ.

Все это было очень патриархально. Первый допросъ у генерала Левашева окончился подписаньемъ Якушкинымъ какого-то измараннаго листка почтовой бумаги и угрозами пытки. Вслѣдъ за этимъ Якушкина вновь ввели въ ту же залу Эрмитажа. Возлѣ ломбернаго стола стоялъ новый императоръ.

„Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я подошелъ ближе и началъ такимъ образомъ:

— Вы нарушили вашу присягу?

— Виноватъ, государь.

— Что васъ ожидаетъ на томъ свѣтѣ? Проклятіе. Мнѣіе людей вы можете презирать, но что ожидаетъ васъ на томъ свѣтѣ—должно васъ ужаснуть. Впрочемъ, я не хочу васъ окончательно губить: я пришлю къ вамъ священника. Что же вы мнѣ ничего не отвѣчаете?

— Что вамъ угодно, государь, отъ меня?

— Я, кажется, говорю вамъ довольно ясно, если вы не хотите губить ваше семейство и чтобы съ вами обращались не какъ съ свиньей, то вы должны во всемъ признаться.

— Я далъ слово не называть никого; все же, что звалъ про себя, я уже сказалъ его превосходительству—отвѣтилъ я, указывая на Левашева, стояшаго поодаль въ почтительномъ положеніи.

— Что вы мнѣ съ его превосходительствомъ и съ вашимъ мерзкимъ честнымъ словомъ.

— Назвать, государь, я никого не могу. Новый императоръ отскочилъ три шага назадъ, протянулъ ко мнѣ руку и сказалъ: „Заковать его такъ, чтобы онъ пошевелиться не могъ“.

Въ кандалахъ Якушкинъ провелъ нѣсколькомѣсяцевъ въ казематѣ Петропавловской крѣпости. Судъ вынесъ ему смертный приговоръ. Смертная казнь была замѣнена каторгой на двадцать лѣтъ...

Ник. Носковъ.

Вспоминанія о Л. Н. Толстомъ.

(Еврейскія легенды).

Въ первые голы нашего знакомства (это было 20 лѣтъ тому назадъ) Л. Н. сильно увлекался еврейской литературой и усердно читалъ все, что касалось библии и талмуда и въ особенности очарованъ былъ волшебнымъ міромъ древнихъ легендъ, полныхъ свѣтлага, лучистаго вдохновенія.

— Въ нихъ есть что-то,—говорилъ онъ,—необыкновенно мягкое и трогательно-величественное, какъ розовая заря въ тихое утро. И что болѣе всего дорого въ нихъ—это постоянство вѣчной темы о вѣчныхъ тайнахъ души человѣка. И какъ близко тутъ христіанство,—какъ небо на горизонтѣ отъ земли,— вотъ-вотъ, кажется, рукой подать!..

И Левъ Николаевичъ, читая легенды по различнымъ переводнымъ сборникамъ, обрабатывалъ сказанія въ христіанскомъ духѣ и, помню, часто дѣлился со мной вдругъ набѣгавшими яркими образами старины, освѣщенными кроткимъ свѣтомъ новаго ученія, которому Л. Н. предался всей душой и которымъ онъ такъ мастерски умѣетъ заразить и чужую душу.

Эти забытыя легенды—это синѣющее тихое море поэзій съ уединенными берегами, отъ которыхъ давно ушелъ океанъ, но которое мѣстами сохранило еще узкія ленточки проливовъ, заросшихъ кустарникомъ забвенья. Вотъ, напр., одна изъ такихъ легендъ, легенда о пролитой крови.

Когда царь Навуходносоръ взялъ Иерусалимъ и вступилъ въ храмъ, его привели въ палату священниковъ.

Царь въ ужасѣ отпрянулъ и остановился у входа. На полу, подобно горячей водѣ въ котлѣ, кипѣла кровь и бурлила, вздымаясь пышной розовой пѣной.

Царь оцѣпилъ Навуходносора, и онъ, какъ прикованный, не двигался съ мѣста.

— Это жертвенная кровь воловъ, барановъ и овецъ,—смущенно вставили священники.

Царь велѣлъ зачерпнуть изъ большого жертвенника ковшъ крови и сравнилъ.

Кровь не походила на ту, что кипѣла на полу. Навуходносоръ воспылалъ гнѣвомъ и закричалъ:

— Скажете-ли вы мнѣ, что это за кровь,

или я сдеру съ васъ мясо желѣзными гребями и трупы брошу на съѣденіе хищнымъ птицамъ!..

Испугались священники.

— Помилуй, государь! Мы откроемъ тебѣ всю истину. Жилъ среди насъ священникъ Захарія и праведной жизни онъ былъ чловѣкъ. Голосомъ, подобнымъ прибою морскому, онъ звалъ людей на служеніе Богу и громомъ громилъ наши недуги, предсказывая пожары, моръ и рабство. Все, что сбилось теперь. Но встала на него злоея людей, и его убили. Его закололи здѣсь въ храмѣ Божіемъ, предъ алтаремъ, въ то самое время, когда проповѣдь лилась изъ устъ его. И вотъ, съ тѣхъ поръ кровь товарища нашего кипитъ и вопіетъ къ небу о мщеніи и обвиняетъ убійцъ предъ праведнымъ престоломъ Бога.

— О, если такъ,—воскликнулъ царь,—то я умротоворю, я искуплю и успокою ее.

И онъ велѣлъ зарѣзать всѣхъ священниковъ надъ кипящей кровью пророка.

Кровь продолжала кипѣть и не успевала валась.

Разгнѣвавшись, царь велѣлъ зарѣзать на томъ же мѣстѣ еще множество учениковъ школь и маленькихъ дѣтей.

Но кровь продолжала кипѣть и не успокаивалась.

Тогда онъ собралъ тысячи прекрасныхъ юношей и дѣвицъ, зарѣзалъ ихъ всѣхъ на одномъ камнѣ и смѣшалъ ихъ кровь съ кровью пророка.

Кровь продолжала кипѣть и не успокаивалась.

— Захарія! Захарія!—воскликнулъ тиранъ. Неужели тебѣ еще мало? Хочешь-ли ты, чтобы я уничтожилъ всю Иудею?

Кровь продолжала кипѣть и не успокаивалась.

— Горе мнѣ, горѣ мнѣ!—схватился за голову царь.

Если за кровь одного человѣка должно столько людей пострадать, то что-жъ ожидать меня, пролившаго кровь десятковъ и сотенъ тысячъ людей?

И неудержимо одна за другой хлынули слезы изъ глазъ.

Онъ плакалъ и билъ себя въ грудь.

И какъ только первая капля слезы, скатившись со щеки, упала на землю и смѣшалась съ кровью пророка,—кровь перестала кипѣть и успокоилась.

И. Тенеромо.

Въ нѣмецкой редакціи.

Германія изумляетъ своей выдержкой, спокойствіемъ всѣхъ слоевъ населенія, но болѣе всего изумила меня нѣмецкая редакція.

Мнѣ понадобилось разыскать нѣсколько старыхъ №№ „Dresdner Anzeiger“, въ которыхъ были помѣщены прекрасныя статьи по вопросамъ искусства профессора П. Шумана; хотѣлось, кстати, ознакомиться съ внѣшностью нѣмецкой редакціи, и я отправилась по указанному адресу.

Кто бывалъ въ нашихъ петербургскихъ редакціяхъ въ горячіе рабочіе часы—тотъ знаетъ, что это за адъ.

Поднявшись на лифтѣ въ 3 этажъ и передавъ свою карточку, узнаю, что „шефа“ нѣтъ, но его можетъ замѣнить завѣдывающій художественнымъ отдѣломъ.

Вхожу въ кабинетъ.

Громадная свѣтлая комната съ венеціанскимъ окномъ во всю стѣну, большіе пись-

Стдыхъ въ палатѣ послѣ сѣда.

менные столы американскаго типа. На стѣнахъ прекрасныя гравюры—копіи съ Дрезденской галереи, нѣсколько бюстовъ великихъ людей, вазы съ цвѣтами, коверъ во всю комнату.

Заявивъ своему собесѣднику о цѣли своего посѣщенія и задавъ нѣсколько вопросовъ, я заинтересовалась, постоянный ли у нихъ сотрудникъ профессоръ Шуманъ, статьи котораго такъ меня заинтересовали.

— Да, онъ завѣдуетъ отдѣломъ газеты. Впрочемъ, онъ на лицо къ вашимъ услугамъ—и мой собесѣдникъ весело раскланялся, искренно забавляясь моимъ изумленіемъ.

Вслѣдъ за этимъ маленькимъ qui-pro-quo профессоръ предложилъ мнѣ осмотрѣть громадное зданіе, которое занимаетъ газета.

Почти весь средній этажъ занятъ кабинетами сотрудниковъ и самого шефа. Кабинеты

Постоянныхъ сотрудниковъ при газетѣ 11 человекъ, число репортеровъ, рецензентовъ и проч.—неопредѣленно.

* *
* *
* *

Было 5 часовъ дня—самое горячее редакціонное время, а между тѣмъ—ни шума, ни суетны.

Всѣ сидятъ и спокойно занимаются, скорѣе впечатлѣніе канцеляріи или департамента, а не легкой имитациі Бедлама, какъ у насъ.

„Вы знаете, мы друзья Россіи, и наша газета всегда дружески отзывалась объ ея дѣлахъ“, — отрекомендовалъ мнѣ профессоръ завѣдующаго политическимъ отдѣломъ.

Въ слѣдующемъ этажѣ помѣщается типографія для печатанія книгъ, брошюръ и т. п.; въ самомъ верхнемъ—типографія собственно газеты, гдѣ показали мнѣ усовершенствованныя машины для набора.

Наборщикъ выстучиваетъ по клавишамъ, какъ на пишущей машинѣ, текстъ рукописи, и съ другой стороны появляется готовый на-

Труппа ампутированныхъ и увѣчныхъ, прибывшихъ съ Дальняго Востока.

сотрудниковъ обставлены хотя съ меньшей роскошью, но вездѣ—столы краснаго дерева, цвѣты и идеальная чистота.

Дѣло при такомъ способѣ идти въ рою скорѣе, чѣмъ обычнымъ путемъ.

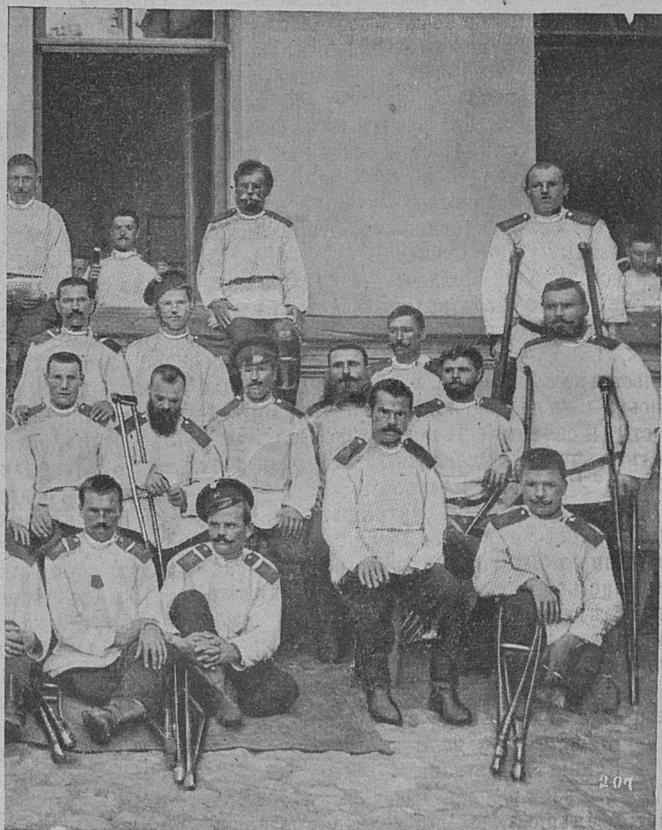
Такая машина стоитъ 11—12 тысячъ ма-

Обѣдъ въ пріютѣ.

Маринскій пріютъ для ампутированныхъ и увѣчныхъ воиновъ въ С.-Петербургѣ.

Со снимковъ нашего фотографа, авторинія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Труппа увѣчныхъ воиновъ изъ Манчжуріи и Лорть-Артура.

Русско-японская война. — Микадо производит смотръ японскимъ резервнымъ войскамъ въ Токио.

Съ фотографіи Т. Джонстона, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

рокъ. Изобрѣтены онѣ были однимъ нѣмцемъ дѣтъ 12 тому назадъ, но на немъ еще разъ оправдалось, что „нѣсть пророка въ отечествѣ своемъ“—и патентъ на свое изобрѣтеніе онъ получилъ въ Америкѣ. Въ Германіи же машины введены сравнительно недавно.

Рабочихъ при редакціи 120 человекъ, изъ нихъ 8 женщинъ, заработная плата которыхъ вдвое меньше мужской. Правда, что и трудъ ихъ гораздо легче.

Въ типографіяхъ на всѣхъ окнахъ тоже цвѣты: свѣжіе, вымытые, ни пылинки.

Что меня особенно восхитило, такъ это столовая и умывальная для рабочихъ при типографіи. Основательно вымывшись, наборщикъ снимаетъ рабочую блузу, садится за чистый, крашеный деревянный столъ и такимъ образомъ,—не тратя ни минуты времени на путь къ себѣ домой или въ ресторанъ—за минимальную плату немедленно получаетъ горячую ѣду и питье.

Черезъ всѣ этажи, кромѣ обыкновенной подъемной пассажирской машины, проходитъ подъемная платформа для типографскихъ тяжестей. Къ сожалѣнію, я, какъ не специалистъ, не могла вполне оцѣнить всѣхъ преимуществъ и новостей въ машинномъ царствѣ, которые мнѣ любезно и подробно показывали.

Вездѣ, гдѣ мы проходили,— работа въ полномъ ходу, хотя рабочихъ очень мало, и кажется, будто все идетъ какъ-то само собою, а рабочіе „просто такъ“ слегка, точно играючи, „подмогаютъ“. Но, конечно, это только кажется. Въ одномъ изъ отдѣленій—двое рабочихъ, бывшихъ въ дѣлѣ, ушли куда то—и сразу остановились рычаги, замолкли колеса, и спокойная веселая работа машинъ замерла.

Нашъ обходъ мы закончили громадной конторой газеты и магазиномъ художественновоспроизведенныхъ литографій, близкихъ къ

Знаменитый географъ
Элизе Реклю.
(† 21-го іюня 1905 г.).

гравюрамъ, которые даютъ почти всю Дрезденскую галерею. Листъ большого формата, стоившій 1 марку—теперь понизился до 25 пфенниговъ.

Эта газета вообще очень много мѣста и интереса удѣляетъ вопросамъ искусства.

Распровавшись съ моимъ любезнымъ членомъ, нагруженная нужными мнѣ номерами газетъ и поклонами къ нѣкоторымъ общимъ знакомымъ—я уѣхала, вынося отъ редакціи, какъ и отъ всей Германіи вообще—впечатлительное дружественности и громаднаго интереса (притомъ, что особенно цѣнно— интереса не злораднаго)—къ Россіи.

Дрезденъ.

О. Базанмуръ.

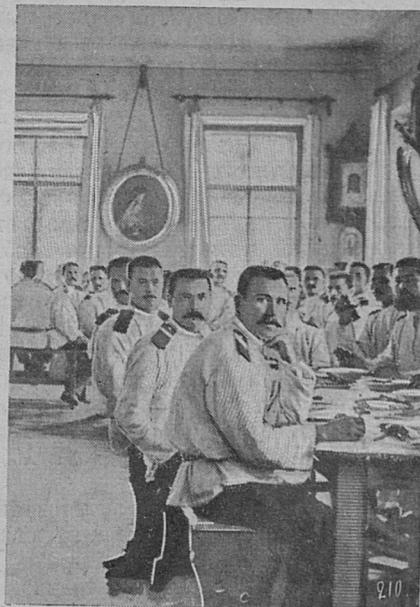
Крупнѣйшія страхованія жизни.

Недавно обнародованное положеніе о государственномъ страхованіи жизни въ Россіи, привлекло общее вниманіе къ этому виду предусмотрительной самопомощи. Одновре-

Ампутированные и увѣчные въ лазаретъ.
Моринскій пріютъ для ампутированныхъ и увѣчныхъ воиновъ въ С.-Петербургѣ.

Со снимковъ нашего фотографа, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Въ столовой пріюта.

менно съ этимъ узаконеніемъ, за границу возбудило немалый интересъ принятое однимъ изъ вѣнскихъ страховыхъ обществъ, страхованіе жизни на огромную сумму въ шесть милліоновъ. Страхователь, приобрѣвшій полисъ на эту сумму, оказался однимъ изъ богатѣйшихъ фабрикантовъ Вѣны. Человѣкъ еще молодой, онъ предназначилъ полисъ въ даръ своей женѣ, такъ какъ у этой четы нѣтъ дѣтей и, повидимому не ожидается потомства.

Упомянутое страхованіе—крупнѣйшее изъ заключенныхъ въ Австро-Венгріи. Милліонныя страховки въ этой странѣ, вообще, весьма немногочисленны. Самое богатое изъ вѣнскихъ страховыхъ обществъ, „Assicurazioni Generali“ выдало лишь два милліонныхъ полиса,—одинъ въ 2,800,000 кронъ и одинъ въ два милліона кронъ. Американскому страховому обществу „Нью-Йоркъ“ удалось заключить въ Цислейтаніи пять сдѣлокъ по милліону кронъ каждая. Двѣ изъ этихъ страховокъ принадлежатъ представителямъ высшей аристократіи, живущимъ въ своихъ имѣніяхъ. Остальные трое, застраховавшихъ свою жизнь въ милліонъ кронъ, обитатели Вѣны. Двое изъ нихъ—заводчики, одинъ — банкиръ, предусмотрительно обезпечившій полисомъ свою семью отъ всегда возможнаго краха. Большая часть крупныхъ страхованій въ Австро-Венгріи колеблется между 100—200 тысячами кронъ.

Расцвѣтъ страхованій—въ Америкѣ, гдѣ населеніе давно уже свыклось съ этого рода сдѣлками. Рѣдкій янки, чѣмъ бы онъ ни занимался, не позаботится удѣлить часть заработка на обезпеченіе своего семейства. Суммы страхованій нерѣдко поражаютъ своею чудовищностью. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, по даннымъ недавно оглашенной статистической таблицы, насчитывается двое лицъ, застраховавшихъ свою жизнь въ 7,700,000 франковъ; восемь человѣкъ застраховали по пяти милліоновъ каждый, одинъ—4½ милліона, восемь по 3½ милліона, три — по три милліона, двадцать семь — по 2½ милліона. Группа, состоящая изъ 49 человѣкъ, застраховала себя въ капитальную сумму 164 милліона.

Относительно послѣдующихъ страхованій тѣ же статистическія таблицы приводятъ не менѣе поразительныя данныя. Семнадцать гражданъ Соединенныхъ Штатовъ застраховали по два милліона, 59 по полтора милліона, 158 по милліону, и 1344 лица — по 500,000 франковъ каждый. Такимъ образомъ 1727 крупнѣйшихъ страхователей въ Соединенныхъ Штатахъ оцѣнили свою жизнь приблизительно въ 500 милліоновъ франковъ.

Курьезно, что въ Англіи однимъ изъ первыхъ по времени страхователей оказался — поэтъ и романистъ. Въ остальныхъ странахъ поэты проявили гораздо меньше практичности. Сэръ Вальтеръ-Скоттъ, несмотря на весьма значительный по тому времени доходъ отъ своихъ сочиненій, счелъ нелишнимъ прибѣгнуть и къ страхованію жизни. Сдѣлка эта была заключена имъ въ 1824 году черезъ посредство страхового общества „Edinburghe Life Assurance Company“; полисъ былъ выданъ ему на сумму въ 2,400 фунтовъ стерлинговъ. Вальтеръ-Скотту пришлось платить страховую премію лишь восемь лѣтъ, такъ какъ онъ умеръ въ сентябрѣ 1832 года въ Абботфордѣ.

Примѣру его въ позднѣйшее время послѣдовали два знаменитыхъ американскихъ изобрѣтателя, Эдиссонъ и Николай Тесла, застраховавшие свою жизнь въ нѣсколько милліоновъ долларовъ.

Итальянскій изобрѣтатель Маркони получилъ страховой полисъ въ видѣ почетнаго подношенія. Общество „Безпроводнаго телеграфированія“, желая почтить заслуги Мар-

кони въ области своей дѣятельности, застраховало его жизнь въ полтора милліона рублей (150,000 фунтовъ стерлинговъ). Полисъ былъ выданъ страховымъ обществомъ „Nordwich Union Insurance Company“, предусмотрительно перестраховавшимъ свой рискъ по частямъ, въ шести другихъ страховыхъ обществахъ.

Полюзу страхованія жизни сознавали и многія коронованныя лица, не отказывавшіяся личнымъ примѣромъ содѣйствовать распространенію такого рода сдѣлокъ. Покойная англійская королева Викторія застраховала себя въ весьма молодыхъ годахъ. Полисъ былъ составленъ на сумму въ 60,000 фунтовъ стерлинговъ. Несмотря на то, что королевѣ Викторіи пришлось очень долго оплачивать страховую премію, она не разъ выражала сожалѣніе, что застраховала себя въ слишкомъ малую сумму.

Сынъ и престолонаслѣдникъ королевы Викторіи, нынѣшній англійскій король Эдуардъ VII, какъ извѣстно, не отличающійся особенно практичностью, послѣдовалъ, однако, примѣру матери. Онъ застрахованъ въ сумму, превышающую семь съ половиною милліоновъ рублей.

Въ Россіи наибольшее страхованіе достигаетъ 800,000 фунтовъ стерлинговъ, т. е. почти восьмью милліоновъ рублей.

Покойный итальянскій король Гумбертъ I былъ застрахованъ въ пять милліоновъ рублей. Сынъ его, Эммануилъ III, принужденъ былъ ограничиться половиною этой суммы, такъ какъ страховыя общества значительно повысили платежи по страхованію жизни послѣ трагической кончины короля Гумберта.

Германскій императоръ Вильгельмъ II застраховалъ свою жизнь въ пять милліоновъ рублей.

Къ страхованію жизни прибѣгла также румынская королевская чета, король Карлъ и королева Елисавета. Полисы ихъ, на сумму въ нѣсколько милліоновъ франковъ, выданы англійскими страховыми обществами. Румынскій король и значительныя сбереженія свои хранитъ въ англійскихъ банкахъ.

Изъ представителей австрійскаго императорскаго дома, былъ застрахованнымъ лишь безъ вѣсти пропавшій эрцгерцогъ Іоганнъ (Іоганнъ Ортъ); онъ застраховалъ свою жизнь въ 1887 г., 34 лѣтъ отъ роду, въ австрійскомъ страховомъ обществѣ, на сумму въ 720,000 кронъ.

Въ свое время надѣлало немало шума страхованіе бывшей французской императрицы Евгеніи, оплатившей полисъ въ пять милліоновъ франковъ. Французскія страховыя общества сначала колебались заключить эту сдѣлку; когда же, однако, англійскія страховыя компаніи согласились перестраховать значительную долю риска, сдѣлка состоялась.

Нѣкоторыя страхованія коронованныхъ особъ были заключены лишь съ большимъ трудомъ. Испанскому королю Альфонсу XII-му едва не пришлось отказаться отъ намѣренія застраховать свою жизнь, такъ какъ страховыя общества, сначала въ Австріи, а потомъ и въ Германіи, не рѣшились принять на себя предложеннаго риска. Причиной колебанія предложило слабое здоровье испанскаго короля. Нѣсколько позднѣе, ему удалось застраховать себя въ одномъ американскомъ обществѣ, которому вскорѣ пришлось выплатить застрахованную сумму; король Альфонсъ скончался въ ноябрѣ 1885 г., всего 32 лѣтъ отъ роду.

Сербскимъ королямъ не пришлось заключить сдѣлокъ по страхованію жизни. Короля Милана не соглашались страховать, вслѣдствіе недовѣрія и къ состоянію его здоровья, и къ платежеспособности относительно взноса премій. Столь же безуспѣшными были и попытки сына его, короля Александра. Послѣ

брака съ Драгою Машиной, онъ обращался къ нѣсколькимъ вѣнскимъ страховымъ обществамъ съ запросомъ, не пожелаютъ-ли они выдать ему полисъ, но учрежденія эти уклонились отъ заключенія сдѣлки. Въ Вѣнѣ тогда уже знали о готовящемся въ Сербіи государственномъ переворотѣ. Неизвѣстно, были-ли ведены злополучнымъ королемъ переговоры съ американскими страховыми обществами; въ наслѣдствѣ, оставшемся послѣ его трагической смерти, страхового полиса не оказалось.

Страхованіе жизни нынѣшняго сербскаго короля Петра въ вѣнскихъ страховыхъ обществахъ не состоялось.

Въ Парижѣ недавно скончался человѣкъ, пользовавшійся надолгой срокъ пожизненной рентой. Родившійся въ 1802 г., онъ въ 1858 г. застраховалъ себя пожизненную ренту въ „Compagnie ol Assurance générales sur la vie“, по тысячѣ франковъ въ годъ. Рантьеръ этотъ дожилъ до 103 лѣтъ. При заключеніи договора, онъ внесъ страховому обществу 11,200 франковъ; затѣмъ, втеченіе 46 лѣтъ онъ получилъ 46,000 франковъ. Убытка по этой операциіи страховому обществу, конечно, не пришлось записывать въ пассивъ. Незначительный денежный ущербъ по сдѣлкѣ съ лихою покрывался рекламою, извлеченною изъ этого случая, благодаря сенсаціонной долговѣчности столь удачно застраховавшагося клиента.

Подарокъ императору Вильгельму.

Германская печать оживленно обсуждаетъ сенсаціонный проектъ, предложенный княземъ Генкелемъ фонъ-Доннерсмаркомъ. Представитель прусскаго дворянства, князь Доннерсмаркъ обнародовалъ воззваніе, приглашающее поднести императору Вильгельму II, въ день празднованія его серебряной свадьбы, въ февралѣ 1906 г., офицерскій фондъ въ десять милліоновъ марокъ. Изъ этого фонда, по усмотрѣнію императора Вильгельма или назначеннаго имъ уполномоченнаго лица, должны быть выдаваемы субалтернъ-офицерамъ добавочныя къ жалованью пенсіи, не болѣе 600 марокъ въ годъ каждому изъ пенсіонеровъ.

Князь Доннерсмаркъ поясняетъ, что идея пронагадируемаго имъ фонда принадлежитъ скончавшемуся около года тому назадъ генераль-фельдмаршалу, графу Вальдерзее. Послѣдній, принимая въ соображеніе повсемѣстное вздорное содержаніе жизни, полагаея, что ограниченное содержаніе, получаемое въ германской арміи субалтернъ-офицерамъ, препятствуетъ многимъ способнымъ юношамъ посвящать свои силы службѣ въ сухопутной арміи и во флотѣ.

Германскій рейхстагъ не раздѣляетъ этого воззрѣнія и не соглашается повысить налоги для того, чтобы увеличить оклады германскимъ субалтернъ-офицерами. При такихъ условіяхъ, остается собрать необходимый фондъ путемъ добровольной подписки и поднести коронѣ средства, необходимыя для устраненія условій, препятствующихъ пополненію арміи способными офицерами.

Убѣждая всѣ классы населенія принять участіе въ „патріотической“ подпискѣ, князь Доннерсмаркъ заявляетъ, что германская армія охраняетъ въ равной степени всѣ сословія государства. „Германія, — говоритъ онъ въ своемъ „разъясненіи“, помѣщенномъ въ реакціонной „Крестовой Газетѣ“, — располагаетъ ежегоднымъ приростомъ населенія отъ семисотъ до восьмисотъ тысячъ человѣкъ. Благодаря интенсивной системѣ сельскаго хозяйства

внутри страны, предприимчивости промышленности и искусному ведению торговых сношений съ другими государствами, Германия, несмотря на столь значительный прирост населения, успѣвает не только прокормить своих жителей, но и увеличивает свое национальное благосостояние. Мы не ищемъ никакой ссоры съ чужими народами, мы хотимъ лишь мирно работать, но для этой цѣли намъ необходима безопасность, которую можетъ дать лишь наша армія. Усиленіе ея требуется общими интересами всѣхъ слоевъ народа. Въ данномъ случаѣ, рѣчь идетъ объ осуществленіи патриотической идеи“.

Наиболѣе распространенные органы германскаго общественнаго мнѣнія называютъ проектируемое подношеніе императору Вильгельму „даромъ данайцевъ“. Десять милліоновъ марокъ, при условіи выдачи одному лицу не болѣе 600 марокъ ежегодно, дадутъ возможность производить добавочное содержаніе пяти тысячамъ субалтернъ-офицеровъ. Эта группа офицеровъ будетъ поставлена въ исключительное положеніе по отношенію къ товарищамъ, вслѣдствіе чего въ арміи можетъ появиться партійность. То обстоятельство, что подносимый императору Вильгельму фондъ составится изъ пожертвованій, придастъ добавочному содержанію въ нѣкоторой степени унижительный характеръ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, представляется весьма сомнительнымъ, приметъ-ли германскій императоръ собираемое ко дню его серебряной свадьбы своеобразное подношеніе.

Коронованные читатели.

Одинъ изъ нѣмецкихъ журналовъ собралъ любопытныя свѣдѣнія о томъ, что читаютъ нѣкоторые коронованныя и высокопоставленные лица.

Немногія изъ нихъ могутъ повторить относительно себя то, что сказалъ недавно шведскій король Оскаръ въ официальной рѣчи: онъ постоянно и много читаетъ не менѣе, чѣмъ на четырехъ языкахъ. Въ этомъ отношеніи его превосходитъ одна только румынская королева, сама усердно подвизающаяся на литературномъ поприщѣ, подъ псевдонимомъ „Карменъ Сильва“. Она дониндѣ свободно читаетъ даже трудныхъ авторовъ на древнихъ и новыхъ языкахъ, которымъ училась въ дѣтствѣ. Любимыя ея книги принадлежатъ перу нѣмецкихъ классиковъ. Румынская королева охотно читаетъ также книги французскихъ писателей. Пьеръ Лоти пользуется особеннымъ ея расположеніемъ; онъ, такъ же, какъ и нѣмецкая писательница Мита Кремницъ, состоитъ личнымъ другомъ и біографомъ румынской королевы.

Испанская королева, и мать короля Альфонса XIII, столь-же охотно читаетъ цвѣтстыя описанія экзотическихъ романовъ Пьера Лоти. Покойная австрійская императрица увлекалась сочиненіями Генриха Рейне.

Германскій императоръ любитъ французскіе романы; особенное удовольствіе доставляютъ ему книги Жоржа Оне. Вильгельмъ II слѣдитъ также за нѣмецкою и англійскою литературой. Онъ охотно и много читаетъ, проводя иногда цѣлые вечера за чтеніемъ вслухъ германской императрицы и своимъ дѣтямъ. Германскій императоръ — большой поклонникъ дарованія Родіарда Киплинга; когда этотъ писатель захворалъ, Вильгельмъ II немедленно послалъ ему телеграмму съ выраженіемъ своего соболѣзнованія.

Почти всѣ президенты французской республики были любителями чтенія. Нынешній французскій президентъ Лубэ обладаетъ об-

ширную бібліотекою, каждая книга которой испещрена помѣтками, свидѣтельствующими о томъ, что чтеніе производилось съ полнымъ вниманіемъ. Феликсъ Форъ отдавалъ предпочтеніе описаніямъ путешествій и книгамъ, трактующимъ о попыткахъ колонизаціи. Онъ читалъ ежедневно, по утрамъ, послѣ ванны, причѣмъ нерѣдко дѣлалъ выписки изъ любимыхъ авторовъ.

Президентъ Карно болыше всего интересовался историческими изслѣдованіями; онъ прочитывалъ всѣ книги, имѣющія отношеніе къ великой французской революціи, однимъ изъ видныхъ дѣятелей которой былъ его родной дѣдъ.

Покойная англійская королева Викторія была усердною поклонницей чтенія. Въ послѣдніе годы жизни она читала главнымъ образомъ романы, не пропуская безъ вниманія ни одного выдающагося произведенія въ этой области. Любимою романисткою ея была Марія Корелли.

Выдающіеся государственные люди также не пренебрегали чтеніемъ. Висмаркъ развлекался чтеніемъ уголовныхъ романовъ. Гладстонъ слѣдилъ за серьезною литературой. Дизраэли самъ былъ романистомъ. Бальфуръ читаетъ теологическія и философскія сочиненія, не пренебрегая и романами Коннандойла.

Англійская королева въ японскомъ костюмѣ.

На бракосочетаніи германскаго кронпринца въ Берлинѣ присутствовалъ, въ качествѣ представителя микадо, японскій принцъ Арисугава съ супругой. Изъ Берлина японскіе гости послѣдовали, черезъ Брюссель, въ Лондонъ, гдѣ были приняты при дворѣ самымъ радушнымъ образомъ.

Принцъ Арисугава, въ числѣ другихъ подарковъ, поднесъ англійской королевской четѣ нѣсколько японскихъ шелковыхъ одѣяній, роскошно украшенныхъ золотыми вышивками. Британской королевѣ Александрѣ, сохранившей слѣды своей красоты, несмотря на 60-лѣтній возрастъ, настолько понравилась японскія ткани, что она выразила желаніе увидать принцессу Арисугава на придворномъ обѣдѣ въ Букингемскомъ дворцѣ не въ одномъ изъ парижскихъ туалетовъ, а въ национальномъ японскомъ костюмѣ. Къ немалому изумленію придворныхъ, и сама королева Александра вышла къ приему въ одномъ изъ японскихъ костюмовъ, поднесенныхъ принцемъ отъ имени микадо. Кромѣ того, по распоряженію королевы, начальница ея гардероба, „Mistress of the Robes“, герцогиня Портлендская, также пріѣхала въ японскомъ одѣяніи. Придворные льстецы увѣрили, что королева Александра никогда не выглядѣла такъ эффектно, какъ въ костюмѣ Дальняго Востока; къ передѣвавію герцогини Портлендской отнеслись далеко не столь благодушно. Японское кино, повидимому, слишкомъ напоминало маскарадные костюмы. Японскій принцъ и его супруга были въ восторгѣ отъ этой любезности, дипломатически оказанной ихъ национальному чувству.

Противъ гильотины.

Нѣсколько дней тому назадъ въ гор. Орлеанѣ состоялась казнь убійцы Лангиля. Главный врачъ орлеанской больницы, д-ръ Борьенъ, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы произвести необычайный опытъ, исходъ котораго, по

его мнѣнію, долженъ былъ оказать содѣйствіе агитаціи противъ смертной казни посредствомъ гильотины.

Физиологи, какъ извѣстно, утверждаютъ, что голова казненнаго на эшафотѣ сохраняетъ полное сознание въ теченіе нѣкотораго времени послѣ отдѣленія ея отъ шеи. Головной мозгъ продолжаетъ воспринимать впечатлѣнія окружающей дѣйствительности. Д-ръ Борьенъ възнамѣрился доказать, что воспріятія эти длятся не менѣе минуты и усваиваются какъ нельзя болѣе сознательно. Въ тотъ моментъ, когда отдѣленная ножомъ гильотины голова Лангиля упала въ корзину, д-ръ Борьенъ схватилъ ее и, поднявъ обѣими руками, воскликнулъ громкимъ голосомъ:

— Лангиль! Слышите-ли вы меня?

Представители магистратуры, присутствовавшіе при совершеніи казни, журналисты, многіе врачи, палачъ и его помощники обступили экспериментатора и съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли на голову казненнаго преступника.

Прошло около четырехъ секундъ послѣ возгласа д-ра Борьена. Вдругъ вѣки обезглавленнаго судорожно затрепетали и мгновенно раскрылись. Взоръ Лангиля обратился на производящаго потрясающій опытъ врача. Глаза казненнаго смотрѣли съ неописуемымъ выраженіемъ. Въ этомъ посмертномъ взорѣ чувствовались жизнь, сознание, опредѣленная мысль.

Спустя пятнадцать секундъ показавшихся пораженнымъ зрителямъ цѣлою вѣчностью, вѣки обезглавленнаго сомкнулись. Тогда д-ръ Борьенъ повторилъ свой возгласъ. Вѣки Лангиля снова поднялись, но на этотъ разъ гораздо медленнѣе, чѣмъ послѣ перваго оклика. И снова, въ теченіе почти двадцати секундъ, голова казненнаго смотрѣла на присутствовавшихъ исполненнымъ жизни сознательнымъ и одушевленнымъ мысленнымъ взоромъ. Опытъ былъ повторенъ и въ третій разъ, — но вѣки не поднялись, хотя въ нихъ было замѣтно трепетаніе жизни.

— Экспериментъ этотъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе, — сказалъ д-ръ Борьенъ присутствовавшимъ журналистамъ, — но я задался цѣлью доказать, что мозгъ гильотинированнаго дѣйствуетъ совершенно правильно въ теченіе по крайней мѣрѣ минуты послѣ казни. Настоящимъ опытомъ фактъ этотъ вполне установленъ. Повторное подниманіе вѣкъ было не рефлективнымъ движеніемъ, а вполне отчетливымъ, сознательнымъ дѣйствіемъ личной воли. Я полагаю, что исходъ моего опыта, долженъ побудить Францію, въ интересахъ человѣколюбія, отказаться отъ смертной казни посредствомъ гильотины.

Французскій врачъ, повидимому, задается чисто практическою цѣлью, не считаясь съ не менѣе убѣдительными доводами противъ всякой вообще смертной казни. Онъ выступаетъ исключительно противъ гильотины.

31 ГОДЪ ВО СНѢ.

Испанскія газеты сообщаютъ, что одна крестьянка изъ селенія Вилланченно, близъ Бургоса, провела 31 годъ въ катапестическомъ усыпленіи. Проснувшись, она помнила все, происшедшее съ нею до усыпленія. Ее очень удивило, что окружающіе постарѣли; она не хотѣла вѣрить, что провела столько лѣтъ во снѣ. Въ настоящее время она возбуждаетъ усиленное вниманіе испанскихъ врачей, изучающихъ необыкновенный случай, напоминающій завязку сенсационнаго романа Уэльса: „Когда сиящій проснется“.

Редакторъ журнала „Хозяинъ“
А. Л. Мертваго.

Какъ работаютъ журналисты въ Америкѣ,

Главной отличительной чертой работы американскихъ журналистовъ нужно считать ея быстроту. О необычайныхъ средствахъ, которыми они пускаютъ въ ходъ для быстрого получения свѣдѣній, даетъ представленіе статья директора телеграфнаго агентства „Associated Press“, Стона, въ „Century Magazine“.

Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Смерть папы Льва XIII, послѣдовавшая послѣ продолжительной болѣзни, дала возможность „Associated Press“ побить рекордъ въ смыслѣ быстроты оповѣщенія этого факта по всему міру. Задолго до наступленія конца, представители агентства имѣли совѣщанія съ итальянскими чиновниками и сановниками Ватикана о томъ, какъ получить первыми извѣстіе о смерти папы. Итальянскій министръ почтъ и телеграфовъ общалъ кардиналу Рамполлѣ, что ни од-

на телеграмма о кончинѣ папы не будетъ отослана ранѣе, какъ черезъ 2 часа послѣ этого событія, дабы первыми могли быть извѣщены папскіе нунціи и кардиналы, находящіеся за границей. Тогда представители агентства пошли на хитрость. Они предварили свое агентство о томъ, что пошлютъ въ Нью-Йоркъ въ моментъ полученія извѣстія изъ Ватикана депешу самаго невиннаго содержанія, въ которой, однако, особое комбинированіе чиселъ и дешифрированіе отдѣльныхъ словъ дадутъ точное указаніе времени смерти и нѣкоторыхъ побочныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ это событіе. Въ моментъ смерти, одинъ изъ служа-

Телесный черниговскаго земства
В. М. Хижняковъ.

щихъ Ватикана, по заранѣе условленному плану, вышелъ изъ папской опочивальни и потребовалъ свѣчу. Это служило сигналомъ для другого служащаго, на обязанности котораго было посѣщать къ телефону и передать извѣстіе корреспонденту, находившемуся въ городѣ. Весь планъ былъ приведенъ въ исполненіе самымъ точнымъ образомъ. Черезъ 9 минутъ послѣ смерти Льва XIII, извѣстіе

Приватъ-доцентъ московскаго университета
ф. ф. Кокоскинъ.

объ этомъ было получено въ Нью-Йоркъ, откуда оно было распространено дальше настолько быстро, что въ Санъ-Франциско узнали о событіи черезъ 11 минутъ. Агентства Рейгера, Гаваса, Вольфа узнали о событіи у агентства „Associated Press“. Когда засѣдалъ конклавъ, это агентство, ко всеобщему изумленію, умудрилось давать ежесекундно отчеты о засѣданіяхъ, несмотря на то, что они, какъ извѣстно, протекаютъ въ глубокой тайнѣ, и кардиналы разобщены отъ окружающаго міра. Одинъ изъ членовъ почетной стражи у дверей залы засѣданія находился въ распоряженіи агентства „Associated Press“. Оно получало свѣдѣнія черезъ почтовыхъ голубей, на запискѣ для бѣлья одного кардинала, на рецептѣ, который долженъ былъ быть отосланнымъ въ аптеку, и т. п. способами. Провозглашеніе избранія папы послѣдовало въ 11 час. утра и было немедленно передано въ Америку. Вслѣдствіе разницы во времени съ Европой, въ Санъ-Франциско извѣстіе о выборѣ папы успѣли напечатать въ утреннихъ газетахъ въ день самаго избранія.

Извѣстный публицистъ и земскій дѣятель
В. Ю. Скалонъ.

Извѣстный земскій дѣятель
князь С. И. Шаховской.

Профессоръ А. И. Чупровъ.

Русскіе общественные дѣятели.